

О ЗАБЫТЫХ РАБОТАХ В.И.ШЕРЦЛЯ

Ю.В.Храмов

Рига, Латвия; Рединг, Англия

Summary: The Russian linguist V.Šercl (1843-1906) is known, on the one hand, as the author of various papers on the formal aspects of language (as, for instance, *Comparative Grammar of Slavic and Other Cognate Languages*, 1871-1873) and, on the other hand, as a semasiologist (see, for example, his work on enantiosemy, 1884). It is the latter area of Šercl's activity that requires closer attention. The article focuses on Šercl's works *On Concreteness in Language* (1884) and *Basic Elements of Language and Principles of its Development* (1885-1889).

Феномен русского лингвиста В.И.Шерцля (1843-1906), рассмотренный в контексте традиции Ф.Миклошича, представляется если не отступлением от нее, то непоследовательным и даже несерьезным ученичеством (см., например, отзыв И.В.Ягича (V.Jagič) о Шерцле в «Истории славянской филологии» [Ягич 1910]).

Действительно, В.Шерцль известен, с одной стороны, как автор различных исследований формальной стороны языка (упомянем его «Сравнительную грамматику славянских и других родственных языков» [1 ч., Харьков, 1871; 2 ч., 1873]), с другой стороны – как семасиолог (назовем опыт по энантиосемии «О словах с противоположными значениями» [Воронеж, 1884]). Это второе направление деятельности Шерцля, на наш взгляд, еще недостаточно изучено в перспективе научной парадигмы XX-XXI веков.

В настоящей статье, являющейся логическим продолжением наших размышлений о Шерцле [Храмов 2006], речь пойдет о двух забытых, в основной своей части семантико-типологических работах В.И.Шерцля.

Работы «О конкретности в языках» (Воронеж, 1884) и «Основные элементы языка и начала его развития» (Воронеж, 1885-1889), опубликованные в журнале «Филологические записки», (объемом около 400 страниц) были бы интересны для лингвистов широкого профиля и расширили бы фактологическую основу общезыковедческих дисциплин. К тому же увлекательная манера преподнесения материала коррелирует с дидактической задачей лингвистических курсов:

«Несравненно бóльшим лексикальным богатством <...> отличается язык арабский, щеголяющий (особенно в поэтическом слоге) удивительным обилием слов для одного и того же предмета. Так, напр., в нем встречаем 24 слова для означения лошади, 50 слов для льва, 80 для меду, 200 для змеи, 400 для несчастья, для меча насчитано даже до тысячи слов <...>, а слов, относящихся к верблюду, насчитано даже 5744!» (О конкретности..., с. 19-20).

«В языке чоктов к номинальным основам присоединяется более 400 членов, выражающих самые разнообразные, субтильные, иногда даже непостижимые для нас оттенки личных, пространственных, временных и обстоятельственных отношений» (О конкретности..., с. 43).

«Невероятное множество указательных местоимений встречаем в алеутском языке, употребляющем поразительное обилие слов (соответствующих русским *тот, этот*), смотря по тому, где кто сидит, стоит, идет или лежит» (О конкретности..., с. 52).

«Достаточно указать на тот факт, что алгонкинские языки могут образовывать из одного корня чуть не бесконечное множество глагольных форм и что по исчислению Hurlbut-a, основательного знатока этих языков, из одного алгонкинского глагольного корня можно образовать 17000000 глагольных форм!» (О конкретности..., с. 56).

«Так, напр., об огромном богатстве форм в чиппевайском языке можно судить из приведенных Скулкрафтом <...> на 88 страницах выдержек, где он сообщает более 3000 форм глагола *wob* (видеть) в связи с местоименными аффиксами и инфиксами» (О конкретности..., с. 67).

Иногда трудно согласиться с некоторыми суждениями В.Шерцля:

«...Изумительное изобилие конкретных слов и форм нельзя <...> принимать за какое-нибудь доказательство действительного богатства и совершенства языка. В несоблюдении надлежащей меры, в отсутствии какой бы ни было абстракции, в неспособности к генерализации, к обобщению понятий усматриваем явный признак незрелости народа и логической слабости его умственного развития» (О конкретности..., с. 6).

На наш взгляд, В.Шерцль довольно-таки схематически решает вопрос о начальном этапе развития языка: от языка жестов к метафоре через ступень звукоподражаний и междометий (см. работу «Основные элементы языка и начала его развития»). Однако отрицать полезность собранного Шерцлем словарного материала невозможно.

Работа «О конкретности в языках» любопытна в аспекте рассмотрения лексики и грамматики с точки зрения типологии: в главе «Конкретность лексикальной стороны языка» Шерцль описывает различные тематические группы языков мира. В главе «Конкретность грамматической стороны языка» он не только выявляет эксклюзивные грамматические моменты (см., например, материал о категории двойственного числа местоимений в языках юго-западной Австралии), но и пытается увидеть грамматические универсалии (см. рассуждение Шерцля о выражении прошедшего времени в так называемых «примитивных» языках).

Еще до появления знаменитого «Курса общей лингвистики» (*Cours de linguistique générale*) Фердинанда де Соссюра В.Шерцль в работе «Основные элементы языка и начала его развития» подчеркивает условность, не-

мотивированность языкового знака, вполне корректно пишет о знаковой природе языка и снимает вопрос о его происхождении:

«Слова суть не иное что, как знаки, символы наших представлений, и посредником между этими знаками и изображаемыми ими представлениями служит фантазия, действующая под влиянием закона об ассоциации идей» (с. 2).

«Точное изложение способа, как язык возник, невозможно, так как мы тут теряем под собой всю историческую почву; потому можно положительно сказать, что вопрос о происхождении языка никогда не будет разрешен удовлетворительно. <...> Должно иметь в виду, что с научной точки зрения нет никакого *сотворения* языка и что мы *знаем* только о его *развитии*» (с. 6).

«Слова <...> представляют одни только звуковые символы, сгладившие или далеко опередившие те конкретные основы, из которых они возникли» (с. 92).

Значительную часть вышеназванного исследования (чуть менее трети) В.Шерцль посвящает жестам. Выводы В.Шерцля о том, что язык жестов предшествует звуковому языку, о том, что в языке жестов можно говорить о диалектах, о том, что существует синтаксис языка жестов, напоминают теории В.Вундта (W. Wundt) (1832-1920), на работы которого Шерцль, правда, не ссылается.

В главе об «интеръекциональных звуковых группах» В.Шерцль замечает: «*Ach* отличается настолько же от изображаемого им стона боли, насколько *mi* отличается от действительного мычания коровы, *kikeriki* от пения петуха, или же *haha* от настоящего смеха» (Основные элементы..., с. 102), тем самым не приравнивая междометия к реальности как таковой. В таком же ключе чуть позже Шерцль пишет и о звукоподражаниях: «Человек должен ограничиваться лишь приблизительным обозначением звуков природы, причем выразительность и точность обозначения их, смотря по умственным способностям и по физическому устройству разных народов, могут быть, по существу дела, весьма субъективны» (Основные элементы..., с. 125).

Заслуживают пристального внимания исследователей так называемые «интеръекциональные группы» В.Шерцля, в которых междометия разных языков мира он рассматривает в сравнительно-типологическом плане: 1) «*ai* выражает чаще всего крик, боль»; 2) «*ai* (*ei*, *oi*) есть восклицание удивления, радости, но еще чаще страха, боли»; 3) «*ah* (*eh*, *oh*, *uh*) в качестве интеръекционального элемента изображает удивление, страх, ужас, вздохание»; 4) «*va*, *ve*, *vi*, *vu*, *vai* и подобные интеръекциональные группы рисуют страх, испуг, горе, несчастье и др.»; 5) *fi*, *fe*, *fo*, *fu* означают «отвращение, негодование, ненависть, гнев, страх и пр.»; 6) рассматриваются также звуковые группы, выступающие в роли утвердительных и отрицательных частиц (Основные элементы..., с. 105-118).

В главе «Ономатопея или звукоподражание» В.Шерцль по различным тематическим группам и многочисленным подгруппам (одна только тематическая группа названий животных состоит из 14 подгрупп!) представляет типологию звукоподражательных слов, излагая словарный материал более чем на 50-ти страницах (с. 170-229). Здесь также есть небольшой этюд об истории изучения ономатопеи (с. 130-135).

Любое умозаключение В.Шерцль, как правило, подкрепляет обилием ценных для типологии примеров. См., например, следующий фрагмент:

«Собака в псковской губернии называется *гамка*, в баварском наречии *vauvau*, у древних индийцев *kukkura*, у кхенгов *ui*, у северновцев *á-ó*, у никобарцев *ahm*, у митгуйцев (в центр. Афр.) *uihi*, у ньямнямов *hoah*, у динкайцев *aiann*, в амойском наречии *káu-á*, у туррубулов (Австрал.) *ngulgul*, у тарагумаров *kokočí*: несмотря на звукоподражательную природу всех приведенных здесь слов разница в звуковом их обозначении весьма существенна» (Из размышлений Шерцля о соотношении звуков природы и звукоподражательных слов. Основные элементы..., с. 127).

В.Шерцль стремится избежать субъективности в интерпретации звукоподражаний, потому разрабатывает методику определения звукоподражаний, говоря при этом о типологии как ее основе:

«Если, напр., смех в индоевропейской отрасли выражается через ономатопеическое *haha*, *chacha*, *chocho* и тому подобные группы (ср. новогреч. *χαχαρίζω*, русск. *хохотать*, словинск. *hohotati*, новгор. *хахать*, нижнелуж. *chachaš se*, армянск. *chachankh*) и если такие же звуковые группы в таком же значении встречаем совершенно в различных, несродных между собою языках (ср. дакотск. *i-haha* смеяться, сиамск. *heha*, отомитск. *chachi*, арабск. *hahaa* смеющийся, анейтеумск. *ehehei* хохотать, корейск. *heiheihei* и пр.), то такие слова можем с полным основанием считать звукоподражательными; без такого объективного корректива было бы весьма рискованно принимать известное слово за ономатопеическое, руководствуясь одним только субъективным впечатлением» (Основные элементы..., с. 144-145).

В этой же главе В.Шерцль пишет о семантической стороне чередований, внося систематизацию в звукоподражания:

«Интеръекциональное *haha* рисует громкий смех (особенно мужчин), *hihi* негромкий, тихий, сдержанный смех, и отголосок этой символической знаменательности гласных *a* и *i* встречаем также в разных словах, изображающих смех: русск. *хохотать* выражает громкий смех, а *хихикать* тихий, сдержанный смех <...>; др.-в.-нем. *chahhazen* значит 'громко смеяться, хохотать', и ему соответствует ср.-в.-нем. *kachen*, но современное нем. *kichern* изображает только тихий, тонкий, сдержан-

ный смех <...>; персидск. *kuchkuch* изображает кашель, а *kichkich* смех» (Основные элементы..., с. 154).

В качестве нового этапа в развитии языка В.Шерцль постулирует метафору:

«В этом в высшей степени важном переобразовывании оноματοпоических основ, в этом переходе непосредственно-чувственного обозначения впечатления и представления к обозначению метафорическому и символическому, в перенесении представлений из области слуховых впечатлений в область зрения и остальных чувств заключается важнейший и существеннейший прогресс языка...» (Основные элементы..., с. 230).

Вышеозначенное утверждение он иллюстрирует различными семантическими универсалиями. См., например:

«Чрезвычайно часто как в древних, так и в современных языках слова выражают как акустические, так и оптические впечатления. <...> Др.-в.-нем. *praht, braht* означало ‘шум, крик’ и только с 15 столетия появляются в нем значения ‘блеск, роскошь’; <...> Чешск. *troubiti*, собств. ‘трубить’, в простонародии часто употребляется в значении ‘глазеть, пристально смотреть, заглядеться на что’. <...> Тасманск. *lanena* ‘свет, день’ возводится к глаг. *lane* ‘бить, ударять’...» (Основные элементы..., с. 231-232).

Большое внимание В.Шерцль уделяет обнаружению семантических универсалий в свете возникновения абстрактных слов. В заключительной части исследования (с. 274-307) он реконструирует 7 тематических групп:

- 1) метафорические выражения, основанные на жестах (*гнуть горб* передает прилежную работу, персидск. *dendân kenden* ‘вырвать зуб’ значит ‘отказаться от желания’);
- 2) abstracta из оноματοпоических слов (голландск. *fucheln* ‘лстить’ значит собственно ‘веять, дуть’, китайск. *fung* ‘ветер’ употребляется в переносных значениях ‘обыкновение, ощущение, сумасшествие’ и *hiu* или *chui-hui* ‘сдуть, дуть’ значит ‘хвалить’);
- 3) метафоры, основывающиеся на названиях частей тела (якутск. *kulga* ‘ухо’: якут, не понимающий чего-нибудь, говорит *kulga soch* ‘уха нет’, русск. *водить за нос*, нем. *an der Nase herumführen*, франц. *tener par le nez*, англ. *to lead by the nose*);
- 4) метафорические названия животных («...глупец может называться *ослом* [в большинстве европейских языков; франц. *mulet* ‘лошак’ означает упрямого человека], *быком*, *волом* [нем. *ochs*, чешск. *Vůl*], *теленком* [польск. *ciotek*, чешск. *tele, bulik*], *свиньей* [греч. *Σιάλος*], *гусем* [в русск. языке; чешск. *husa* ‘глупая женщина’], *удодом* [польск. и

- чешск. *dudek*; напротив, франц. *hurpe* ‘удод’ означает ‘femme de mauvaise vie’ <...>, *совою* [голл. *Uil*] и пр.»);
- 5) отвлеченные слова, взятые от чувственных впечатлений (у русского *черный глаз* – завистливый, зловерный глаз, уйгурск. *karku* ‘несчастье, позор’ есть ‘чернота’, ирл. *duba* ‘горе, боль’ производится от *dub* ‘черный’);
 - 6) метафоры, построенные по принципу оживления неодушевленных предметов в природе (греки говорили о *лице*, т.е. о передней части, корабля: *πρόσωπον νεώς*, русский его называет *носом*; чехи говорят о *бородке* (*brada*) топора или ключа, русский говорит о *хребте* и о *подошве* горы);
 - 7) метафоры, возникшие через перенесение значений абстрактных слов на конкретные (абстрактное *живот* в русском языке приняло конкретное значение ‘брюхо’, кашубск. *sumnienie* ‘желудок’ = ‘сомнение, совесть’; у турок веснушки, угри на лице называются *ergenlik* ‘безбрачие’).

Исследования В.И.Шерцля имеют огромное значение для исторической семасиологии и семантической типологии. Еще предстоит большая работа по адаптации собранных В.Шерцлем примеров к современной научной парадигме. Однако уже сейчас нельзя не констатировать, что задолго до словарей К.Д.Бака [Buck 1949] и Й.Шрöpfера [Schröpfer 1979] В.Шерцль попытался выявить языковые универсалии в плане лексики и семантики, тем самым определив свое место у истоков русской и европейской «семасиологической» мысли. Помимо семасиологии, материал В.Шерцля может быть востребован в таких областях лингвистики, как грамматическая типология и общее языкознание.

ЛИТЕРАТУРА

- Храмов 2006 – Храмов Ю. О семасиологических исследованиях В.И.Шерцля (1843-1906). К 100-летию со дня смерти ученого // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. Praha. 2006. Roč. 75. Seš. 4.
- Ягич 1910 – Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910.
- Buck 1949 – Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.
- Schröpfer 1979 – Schröpfer J., hrsg. Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre: Onomasiologie. Heidelberg, 1979.